

Рабочие или крестьяне?

– Район-то у нас ничего не вышел, в Гордске.
– Мраморцам вот только не по пути к нам. Им к Арамили будет ближе.
– Хватил тоже. Что они – крестьяне, по твоему?
– Ну, а к нам как пристегнешь? Небось рабочие. На заводах да приисках весь век околачиваются этак.

– Все таки...

– Что все-таки, рабочие они?

– А по твоему крестьяне? Пашут? Сеют? Присыкаешься зря. Ты делом скажи.

– Делом?

– Ну...

– Очень даже просто. Дело у них такое особенное. Рабочим настоящим назвать нельзя – это правда. Потому – от себя каждый робит. Это я тоже понимаю. Ну, а крестьянского духу тоже нет. Во всем заводе ни одной машины не найдешь. Вот и выходит – ни рабочие, ни крестьяне, а кустари. Все-таки к нам, рабочим, ближе. Потому с камнем возятся, около машины бьются.

– Это, которая у них машина? Пила железная? Может, вертун деревянный с наконешником, коим дыры в жерновах вывертывают?

– Вроде машины. Сами, значит, вроде рабочих. Верно?

Но доказать, что мраморцы крестьяне – затея явно безнадежная. Спор на завалинке Полевского райисполкома потухает. Начинается длинный разговор, в котором долго еще упоминаются мраморцы.

Говорят об их «знаменитых» машинах, о вредной работе в каменной пыли. Попутно припоминают, что и раньше, до революции, мраморцы занимали какое-то свое положение – числились за «кабинетом» и подчинялись гранильной фабрике.

– Верно, что особые люди, не разберешь их, – заключает кто-то этот разговор: – ни к какому району по доброму не подходят – ни к рабочему, ни к крестьянскому.

– А дело у них хуже нашего. Химического, пожалуй, хуже. Прямая, можно сказать, чухотка.

Мраморский завод

Селение зовется заводом, но привычного заводского здесь ничего нет. Ни одной высокой фабричной трубы, ни одного большого шумного здания. Обычно для всех заводов, пруда – здесь тоже нет. Даже реки нет.

На деревню также не похоже. Постройки, хоть порой и сильно обветшалые, но все на заводской лад. Больших огородов не видно. Никаких гуменников. Кругом к селению вплотную подошел лес, в котором не выгорожена обычная для уральских селений поскотина.

В селении тихо

В рабочие дни можно пройти из конца в конец и не заметить никакого движения. Как попрятались все.

Чем занимаются жители, узнать, однако, можно не сразу.

Почти у каждого дома видишь груды необделанных камней и приготовленные вещи. Чаще всего это жернова и ступенные плиты. О занятии жителей Мрамора свидетельствуют такие сооружения, как мраморные солнечные часы, мраморный памятник борцам революции, мраморная колонна в заброшенном саду Первого мая, мраморные обелиски (статуи, фигуры) перед входом в здание рабочего клуба.

Обломками мрамора мостится дорога. Испорченные части поделок идут для домашнего обихода. У одного, например, домика, вместо обычной скамейки у ворот, поставлены короткие мраморные тумбочки, очевидно, оставшиеся от какого-нибудь богатого памятника. В другом месте тонкой мраморной плиткой закрыта кадь под водосточной трубой.

Везде мрамор разных цветов и разной плотности.

Одной только этой работой по камню здесь живут уже более полтора столетия.

Дело началось с малонужного. Для украшения дворцов и церквей понадобились красивые сорта камня. Были начаты розыски мраморов, яшм и иных цветных камней на Урале. Был послан сюда даже какой-то генерал Данненберг по этому делу.

Он в 1765 году и устроил в центре больших каменоломен, в четырех верстах от реки Чусовой, первые казармы для рабочих. Из них впоследствии и выросло нынешнее селение Мраморского завода.

Не один раз переселяли сюда мастеров из тогдашнего Питера для улучшения производства. На Чусовой была устроена «Мраморная фабрика», которая просуществовала до 1810 года.

Потом, видимо, показалось ненужным доставать с Урала украшительный камень.

Казенная фабрика закрылась.

Люди, привыкшие только к работе по камню, должны были искать сбыт своим изделиям где-то поближе. Стали изготавливать, главным образом, памятники и надгробные плиты. На сбыте этих изделий кустарей хорошо погрели руки торговцы-подрядчики, понастроившие себе дома в прежнем Екатеринбурге.

Затруднение в сбыте и кабальная зависимость от подрядчиков заставили кустарей искать более ходкого товару. Таким оказался жернов для крестьянских мельниц и точильный брусок. Подходящих сортов камня было много вблизи Мрамора и дело это стало с каждым годом все сильнее развиваться.

С Советской властью пришел мраморскому кустарю еще один постоянный деловой заказ – распределительные щиты для электрических установок.

Работа мраморского кустика тяжела.

Не только сам он, но и все его семейство живет в душной каменной пыли. У каждого дома есть своя мастерская.

Обыкновенно это холодная изба – малуха с маленькими окнами и земляным полом.

Здесь-то и проводит большую часть дня семья мраморского кустика.

Сам хозяин специалист – каменотес обыкновенно занят обтеской камня. Эта работа требует большой сноровки и навыка. Неверным ударом легко испортить камень.

Около станка с пилой сидит женщина или подросток. Работа считается нетрудной – водить железной пилой по камню поливая разрез раствором из наждака. Но это только кажется, – в действительности, распиловка камня – одна из самых тяжелых и вредных работ. Чтобы распилить один-два вершка приходится «ширкать» целый день, вдыхая в себя каменную пыль.

И все это в полутемной холодной избе. Вполне понятно поэтому, что на Мраморском заводе люди долго не живут, и завод за 170 лет не вырос больше 170 дворов.

Глубокие старики там большая редкость и это понятно, так как с малых лет приходится вставать на вредную тяжелую работу.

Теперь, в советскую пору, в жизни мраморского кустика есть большое изменение. Большая часть кустика объединилась в артель. Женский и детский труд значительно ограничился. Переход работы на постоянный заказ по изготовлению щитов, жерновов и точильных брусков ставит вопрос о введении машины. На нее и переложится самая вредная часть работы – распиловка, шлифовка и сверление камня.